

**ДВА СЛОВА О ПРИНЦИПЕ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА:
ДЕРЖАВА ИЛИ ИМПЕРИЯ***

Т. А. Кулакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

А. М. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена проблеме соотношения слов-понятий «империя» и «держава» в контексте мировоззренческого основания российского государственного строительства. Авторы исходят из того, что национальный язык является универсальной формой и интегральным результатом совокупной деятельности, которую осуществляет говорящее на нем и мыслящее через него сообщество людей. Слово-понятие — это первичный элемент языка-мышления. Его содержание стяжнно включает в себя с большей или меньшей степенью интенсивности весь опыт деятельности людей. С этой точки зрения, наивысший интерес вызывают константные слова-понятия, задающие семантический горизонт языка-мышления. Выведение из употребления константных элементов влечет за собой нарушение устойчивости мировоззренческой системы в целом. «Империя» и «держава» рассматриваются авторами в качестве семантически условно оппозиционных слов-понятий в силу их различной (с одной стороны, западной, с другой — русско-российской) культурно-исторической генеалогии. Авторы подчеркивают, что заимствованное слово-понятие «империя» существенным образом исказило исконную определенность национального самосознания России, что привело к нарушению устойчивости социокультурной структуры и осложнению в решениях задач государственного строительства. Обращаясь к историческому материалу, авторы раскрывают принципиальные различия в смысловом содержании слов-понятий «империя» и «держава» через выявление особенностей цивилизационных стратегий Запада и России, реализуемых в первую очередь в практиках государственного строительства. В статье подчеркивается, что метафизически интуиция империи предполагает в основании политической организации войну как «захват», присвоение, господство. При этом новоевропейская, т. е. буржуазная, интерпретация империи захват разворачивает в модальности колониализма, присвоение — в модальности отчуждения, господство — в модальности эксплуатации. Державность как принцип политической организации разворачивается в модальности дарения, соборного служения, хозяйского освоения, в которых исполняется, т. е. полностью реализуется, сущность каждого элемента предметного мира.

Ключевые слова: империя, держава, язык, национальное самосознание, цивилизационная стратегия, государственное строительство.

---

* Текст подготовлен при поддержке Российского научного фонда: грант № 22-28-00779 «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации».

Хорошо известна конфуцианская притча о том, что управление государством следует начинать с «исправления имен». Ведь «если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться... народ не знает, как себя вести» [Конфуций, с. 126]. Но как вынести верное суждение о правильности или неправильности того или иного слова? Серьезность этого вопроса связана с тем, что каждое сказанное (использованное) нами слово — это своего рода наш ответ, которым мы заявляем о своей ответственности не только перед тем, кто нас непосредственно вопрошает, но и перед целым миром, который схвачен, **уловлен словами** нами высказанными. Словами языка мы улавливаем сущность предметного бытия, претворяя его в упорядоченный мир вещей, вещающих нам о себе то, что они есть. Поэтому, если выбранное или открытое нами слово не соответствует сути названного им предмета, его бытийный статус не обретает сущностной определенности.

Сущностная определенность вещи теснейшим образом связана с внятностью языка, выявляющего ее содержание. Ведь язык сам по себе есть не что иное, как результат и форма интегрально-синтетической деятельности людей, осваивающих бытийственную безбрежность. Язык как результат и форма человеческой деятельности вбирает в себя все прочие виды осваивающей деятельности, а в его определенности **исполняется** подлинность мира, его красота, истинность, благость. Отсюда столь трепетное отношение в любой культуре к поэзии, в которой гений слова впервые открывает людям восхищающее умы и сердца видимое совершенство мироздания. Отсюда же более позднее почтительное отношение к религии, философии и науке, язык которых открывает людям сокровенные тайны мироустройства.

Словарь любого из языков первым делом может поведать нам о характере мира, обустроенного людьми, которые этот язык признают своим, собственным, родным. Различия в языках, прежде всего семантические и морфологические, указывают не только на различия в способах выражать мысль, но и на различия в способах освоения бытия, а следовательно — в самих мирах, являющихся результатами осваивающих практик и стратегий. «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию. И человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир... В сущности, язык всегда был и есть один — язык самих вещей, их собственная идеация», — писал С. Н. Булгаков [Булгаков, 1998, с. 35]. Язык метафизичен в своем происхождении. Все, что обосновывается по этому поводу исследователями, не более чем гипотезы. Единственное, что можно утверждать о возникновении языка, это то, что он сверхъестественен, т. е. его содержание невозможно свести к физиологическим (и тем более к биохимическим) основаниям. Язык — оформитель и хранитель мысли. В подвиге человеческой речи, претворяющем естественный порядок предметности бытия, он являет совершенный результат мыслительной деятельности. Она же схватывает (с-лов-ит) в его изменчивости и случайности устойчивость формы. Язык-мышление, будучи целостным единством слов-понятий, в их семантической и синтаксической связи преобразует порядок переживания людьми, находящимися

в непосредственном взаимодействии друг с другом, предметного окружения. Очевидно, что различные порядки предметного окружения предполагают различные семантические границы и синтаксические схемы. Отсюда проистекают не только академические или бытовые осложнения в переводах с одного языка на другой, но и глубокие мировоззренческие противоречия, чреватые «столкновениями цивилизаций».

Только поверхностный взгляд на перевод с одного языка на другой видит в нем элементарную перекодировку обозначения тех или иных явлений. Но ведь даже самых простых примеров будет достаточно, чтобы показать, что всякий раз при переводе слов мы имеем дело с интерпретацией, перекодировкой целых миров. Для того чтобы перевести на английский или французский языки слово «вьюга», недостаточно дополнить перевод слова «снег» переводами слов «ветренный», «завывающий». А есть еще — пурга, метель или метелица. И это — слова обыденного употребления. Еще большие трудности возникают при переводе и понимании слов-понятий, определяющих семантический и структурный характер нашего социокультурного пространства. «Правда», «совесть», «воля», даже «свобода» и «цель», конечно, имеют аналогии в других языках, но адекватность их далеко не всегда очевидна. К тому же ряду слов-понятий могут быть отнесены «край», «страна», «родина», «держава».

Понятно, что и русский язык сталкивается с теми же проблемами. Однако среди множества других языков его отличает способность к заимствованию, т. е. включению в свой оборот слов чужого происхождения, тем самым как бы предполагается, что каждому из них имеется определенный опыт переживания соответствующего явления-предмета, понимание которого наша мысль достигла только при содействии со стороны. Нередко подобная практика вполне себя оправдывает. Но иногда она приводит к нарушению устоявшегося строя мысли. В силу того, что, как было отмечено выше, язык — это интегрально-синтетическое завершение всех форм деятельности, слово как элемент языка всегда предполагает дело. Между ними существует соответствие формы и содержания, цели-идеи и способа ее осуществления. Невнятность первого влечет хаотизацию второго.

Понятие «империя» — яркий пример того, как слово, пришедшее из другого языка, в смысловое поле русско-российского мира вместе с очарованностью ума привнесло искушение создать то, что уже было где-то, когда-то, кем-то разрушено. На протяжении трех веков слово «империя», подменившее слово «царство», выражало цивилизационные устремления народа, осваивающего пространство от Балтийского и Черного морей до Тихого океана. По большому счету имперский пафос сегодня совсем не угас, несмотря на то что в последние три десятилетия подвергался пусть и стихийной, но масштабной дискредитации. Тем не менее пафос имперскости пытается обновиться, обрести форму, соответствующую тем изменениям, которые претерпевает современный мир. Насколько оправданна данная тенденция — большой вопрос. К ответу на него может приблизить понимание того, что изначально несет в себе «империя» как понятийный нарратив и какова его цивилизационная перспектива в логике исторического самоопределения и в логике развития нашей страны. Это тем

более важно, что этимологически понятие «держава», через которое мы попытаемся раскрыть суть самобытной цивилизационной стратегии, специалисты связывают со старославянским «държа» — владычество, и формально оно соответствует латинскому «imperium». Во многом благодаря этому обстоятельству произошло легкое замещение одного слова на другое. Но терминологическое различие влечет за собой ментальные трансформации, которые в свою очередь изменяют характер практического отношения к миру.

Империя — понятие, исторически принятое «по наследству» западной цивилизацией от Древнего Рима. Несмотря на то что их разделяет полторы тысячи лет истории, ментальный настрой древности вполне был воспринят в новые времена. Смысловое содержание этого понятия сводится к идее политического господства. Что только на первый взгляд может показаться тривиальным. При более серьезном рассмотрении становится очевидным, что «империя» несет в себе многовековой опыт социокультурного строительства народа, который в начале называл себя латинами, а в конце — римскими гражданами. Что же было лейтмотивом этого опыта?

Сочинения древних авторов свидетельствуют о том, что существование Imperium Romanum с самого начала и до конца было историей войны. Причем почти на всем ее протяжении война одновременно была и борьбой с внешней угрозой, и внутренним, условно говоря, «гражданским» противостоянием. И на всем протяжении, будь она внутренней или внешней, — она была войной за жизненные ресурсы. Подлинный римлянин всегда или воевал или готовился к войне. Только тот, кто воевал, был неотъемлемым элементом «общего дела» — господства граждан империи — захвата и управления, где неразрывно связаны тело и дух, сила и закон, меч и слово.

Разумеется, более поздние варианты «империи» вносили нечто свое в понимание господства. Неизменным оставалось одно — война, завоевание, захват. Таков был путь Священной Римской Империи. Таковы были пути Испании, Португалии, Голландии, Франции, Англии, превративших идею империи в стратегию колониального империализма с его безжалостной системой эксплуатации. Н. Я. Данилевский, рассуждая о характере западной цивилизации, приходил к выводу, что причиной тому является «насильственность» — «черта психического строя, присущая всем народам германо-романского типа» [Данилевский, 2008, с. 216–225]. Нам же представляется, что сама эта «насильственность» была вызвана принципиальной и радикальной ограниченностью жизненных ресурсов, активировавшей неограниченный интеллектуально-волевой потенциал индивидов, «заключивших» конвенцию для эффективного захвата мира. Его метафизическим лейтмотивом стало тотальное переформатирование мироздания через отчуждение у каждого из элементов его подлинной сущности и придание ему содержания, полагаемого рассудочным произволом субъекта-предпринимателя. В действительности это нашло выражение в последовательной, систематической колониальной эксплуатации.

Пространство, в котором сложился русско-российский мир, изначально было насыщено жизненными ресурсами. Здесь не было необходимости в изобретении искусственных средств для поддержания жизни. Была необходимость

целесообразного ими пользования. Осознание этой специфической проблемы, поиски ее преодоления и действия, направленные на решение этой задачи, явились основой русско-российской цивилизационной стратегии, идейное ядро и целевой ориентир которой определяются понятием «держава».

Исток нашей «державности» как цивилизационного принципа обнаруживает себя в мифо-историческом акте «призвания варягов». Самыми существенными моментом этого события стали, во-первых, согласное (соборное) решение относительно самостоятельных родоплеменных объединений. Именно соборное решение о «призвании» превратило преимущественно хозяйственно-экономическую жизнь людей в политическую, державную; т.е. держащую себя в полном «наряде». А во-вторых, «призванные» варяги вошли в новый для них мир как служилые люди, привнося в него практику службы, приоритет общего дела в качестве обязательного условия для участия в политическом управлении. Хорошо известно о той роли, которую играла дружина в принятии князем тех или иных решений. Вместе с тем можно говорить о том, что принцип служения обрел все новые и новые формы реализации по мере развития нашего общества. Сюда мы в первую очередь, конечно, отнесем религиозное служение, которое фактически задавало всенародный масштаб социокультурного строительства. Другое дело, что осознание этого факта предполагало длительное развертывание народной инициативы в ее хозяйственном, экономическом, художественном, социальном, политическом проявлениях.

Постижение богатства как изобилия привело древнерусских людей к первому собственно историческому проявлению цивилизационной воли, сутью которого стало претворение экономических сугубо частных интересов в политическое действие, ориентированное на общее благо. «Призвание варягов» было именно призыванием — результатом своего собственного внутреннего соборного решения, а не внешней инициативой. Существенно и то, что призвали именно варягов — умелых воинов, но не политиков или хозяйственников. В этом призывании были уверенность и вера как безусловное знание о безопасности привлечения на службу представителей, казалось бы, чужого народа. Обилие предполагает особый «наряд» (порядок), который невыводим из хозяйственно-бытового уклада. Такой «наряд» задает переход-подвиг в качественно иное, новое состояние. И понимание этого не могло не наполнить древнерусское сознание и не исполниться волевым решением, активировавшим политический, но пока еще не цивилизационный процесс древнерусских племен. Наряд был призван. И наряд явился. Таким образом было положено русской государственности.

Сакрализация, а вместе с ней легитимация державной организации и управления была осуществлена «вторым» соборным решением, к которому народ «готовился» в продолжение, по крайней мере, целого столетия. Крещение Руси только по недоразумению может быть понято как результат личного решения киевского князя. Его выбор не получил бы никакого исторического развития, если бы не соответствовал внутренней потребности и предрасположенности народа. Крещение можно назвать византийским призыванием Руси. Оно стало актом соборного превращения племенного единства в духовное, качественно

расширившее предел восточно-славянского мира. Крещение оформило совершенно новый вектор цивилизационной деятельности становящегося народа.

Даже ордынское вторжение, благодаря духовно-политическому подвигу Александра Невского, было претворено в третье, может быть, самое суровое призвание не разобщенного в удельных владениях народа, а — всей земли, целостности которой угрожал не столько «полуварварский» Восток, сколько «полуцивилизированный» Запад. Потребовалось два с половиной столетия, чтобы кровное разобщение братства Рюриковичей ценой множества жертв и благодаря щедрости земли и трудолюбию народа было реорганизовано в духовное единство царя-самодержца и народа-земледельца. Фактически последний представитель династии Рюриковичей осуществил принцип самодержавия, опираясь на волю народа в лице простого люда и неродовитой аристократии, уставших от боярского самовластия. Конец, ему положенный, стал началом нового всеословно призванного самодержца.

Призыв на службу воинов-варягов, за следующие сто лет вполне влившихся в древнерусский этнос, несоизмеримо усилил Древнюю Русь в военно-политическом плане, разворачивание которого привело к устойчивому цивилизационному контакту с Византией, а несколько позже — со Священной Римской Империей. Принимая в расчет эти контакты, но следуя в русле изначальной стратегии, связанной принципом «изобилия», Русь постепенно расширяла свое территориальное пространство. И в конце X в. она принимает еще одно волевое решение о Крещении, как бы «призвав на службу» Царьград. А в середине XIII в., когда Византийская империя безвозвратно ослабла, а Священная Римская Империя обозначила свою агрессивную сущность, Русь совершает свой цивилизационный выбор, историческая перспектива которого была совсем не очевидна, учитывая искусительную политику Ватикана со стороны усиливающегося Запада и явную угрозу «дикой» Орды с Востока.

Именно в этот период в историческую мощь набирает народная инициатива. Мы ее видим и в поддержке Московского царя, борющегося с остатками удельного местничества. Мы ее видим в его категорическом неприятии иностранной интервенции. Конечно же, мы ее видим в акте призвания новой царской династии. Но, что не менее важно, народная инициатива обнаруживает себя в деле расширяющегося на север и восток освоения бескрайнего пространства. Народ и никто другой услышал зов избравшей его земли. Ответ на этот зов к освоению дикого необозримого края, которое ранее было никому не под силу, как раз и предполагал ранее небывалый тип организации; но тот тип — который был подготовлен предшествующей историей оформляющегося народа. В это время понятие о власти как обеспечении и управлении всеобщим порядком дополняется понятием о его не имеющем предела величии.

В этот же период беспрецедентного расширения на север и восток пределов осваиваемого пространства и осознания необозримости открывающегося богатства с новой силой начинает расти угроза вторжения на западных рубежах теперь уже Московской Руси. Вот почему исторически наша державность получила два вектора развития: западный и восточный. В первом случае она проявилась преимущественно в военно-политическом (государственном)

противостоянии Священной Римской Империи в разных ее воплощениях. Во втором случае державность получила развитие в народной инициативе продвижения на Восток, расширяющего и осваивающего малопригодное для жизни пространство. Результативность системных реформ XVIII в. не могла быть достигнута без широкой общественной поддержки, активировавшей ресурсную базу Урала, Сибири, позже — и Дальнего Востока.

Можно сказать, что державность как цивилизационная форма стала осуществлением потенциала возникшего при встрече энергии народной инициативы и неограниченной природной стихии, увлекающей людей ко все удаляющемуся Краю земли. Характерной чертой такого движения было отношение к местному населению «дикого края». Приход русских нес собой не завоевание с этнической чисткой, наподобие той, что была совершена тевтонскими рыцарями в Пруссии; и — не с резервациями туземцев, как в случае с эстами и латами со стороны немцев, шведов, датчан. Новый уклад жизни был ориентирован на сочетание устоявшихся обычаев и привносимых колонизаторами неизвестных здесь ранее способов хозяйствования. Цель такого синтеза состояла в раскрытии полноты богатства, скрытого глубинами и просторами «дикого края». Державная колонизация — это колонизация освоения, а не захвата и присвоения, как в случае имперским колониализмом.

Державный приоритет единства мироздания предполагает безусловное усмотрение каждым человеком своего служебного долга, не как внешней обязанности, а как индивидуальной актуализации сущностного потенциала Космоса. Отсюда специфическое понимание собственности, которое изначально подразумевало приоритет общего над индивидуальным. И дело здесь не только в том, что хозяйствование в суровых условиях эффективно только при коллективной форме организации деятельности, что само собой определяло ее на первичных этапах существования. Приоритет общего над частным еще более значим с того момента, когда обнаруживается явно или неявно необозримость, неограниченность изобилия того, что ожидает освоения. Новая и Новейшая история показали, что имперская цивилизационная стратегия (которой не избежала и Россия), суть которой сводится к трансцендентальному единству капитализма (конкуренция — эксплуатация — отчуждение), в конечном счете ведет к разорению, а в нашем случае — к перманентной гражданской войне.

Конкуренция при потенциальной избыточности природных ресурсов функционально вообще оказывается деструктивной, так как неконтролируемое перенасыщение одних неизбежно влечет за собой обнищание других и рано или поздно оно окажется губительным для всех. И наша история, по крайней мере дважды с промежутком в сто лет, этот факт подтвердила. Изобилие жизненных ресурсов требует безусловного и всеобщего признания одного единственного руководящего начала, полномочия которого регулярно подтверждаются всеочевидностью правомерности принимаемых им решений. Эта правомерность предполагает безусловное подчинение ему всех, кто причастен этому изобилию. Отсюда логичным будет сделать вывод: державное мироустройство России следует принципу единоначалия, освященного соборным признанием правомерности решений, принимаемых полномочным органом. Персональная

заинтересованность в получении частного дохода здесь невозможна, так как жизненной доминантой каждого индивида является личное претворение части неделимого ресурса с целью поддержания режима «изобилия». А это, в свою очередь, достижимо только при интенсивном общении со всем окружением, максимально активирующим интеллектуально-волевой потенциал. Отсюда не конкуренция, а — соучастность как переживание общности судьбы. Причем перечисленные добродетели распространяются не только на людей, но и на природу, «охватывая» ее нравственным принципом целостности космоса.

Принцип соучастности в державном хозяйствовании разворачивается в русле следования космологическому императиву, предполагающему своеобразную трансцендентальную доминанту мира как осваиваемой человеком предданной стихии. Цель державного хозяйствования не утилитарное использование богатства, а раскрытие его целостного содержания, что само по себе предполагает тотальную активизацию национального единства в форме «общего дела», которое, в свою очередь, осуществимо через тотальную активизацию творческой инициативы каждого индивида.

Согласно А. С. Панарину, структура нашего бытия раскрывается в логике прямо противоположной западной: космос — человек — социум [Панарин, 2002, с. 127].

Это означает, что человек полагает сущее не как собственный проект, обосновываемый своим же безусловным разумом (правильнее сказать — рассудком), переформатируя его в соответствии с произвольно принятыми «правилами метода». Но он открывает для себя сущее в благоговейном переживании неразрывного единства с ним, обещающего ему благодатное дарение жизни. Глубоко прав был русский философ, считавший, что «энергетику русской души» невозможно описать в привычных терминах социологии — «стимулируемости, мотивированности», проистекающих из искусственной социальной обусловленности. Ведь изобилие космической естественной полноты не замыкает человека в ограниченности частного интереса, оно открывает ему неисчерпаемые источники энергии, находящиеся в нем самом.

При таком укладе «нет и не может быть труда, производства, социальной активности вообще на принципах эквивалентного обмена стоимостями». Здесь «человек, питаемый энергией вдохновения, идущей от воли, верит в мировое устройство, он неизменно дает больше того, что предусмотрено обменом» [Панарин, 2002, с. 133]. Такова таинственная структура дарения, заложенная в русском «православном космоцентризме», близкая и понятная всем причастным ему культурам.

Каждая из культур русско-российского цивилизационного пространства ориентирована непосредственно воспринимаемым изобилием к дарению. Единство ландшафтно-климатической предпосланности евразийского пространства преобразуется в целостность русско-российской цивилизации, исполняемой содружеством народов, осваивающим стихию необъятного Края. Близость духовно-ценностных принципов их осваивающей деятельности в сходных условиях сурового Края исторически способствовала развитию сходных, но не идентичных форм хозяйственной, бытовой и даже политической организации. Что в свою очередь и в свое время сделало возможным цивилизационный союз народов, различных в этническом, лингвистическом, конфессиональном плане.

Многовековой опыт освоения довел их до понимания родины как общего дела, цель которого — удержание дарующего изобилия в его неиссякаемой мощи. Из такого понимания родины, из осознания ее монолитности рождается державное понимание власти, исключаящее идейно-стратегический плюрализм.

Очевидно, что сознание родины как общего дела исключает саму возможность политической конкуренции или идеологического соперничества. Ведь их наличие было бы нелепой попыткой отрицать исполняющуюся действительность. Уникальные естественноисторические предпосылки социокультурной деятельности многих поколений людей привели их к постижению целевой идеи державности — пониманию того, что ее содержание соответствует онтологической структуре космоса, проявляемой человеческим его освоением. И можно без труда продемонстрировать, анализируя нашу историю, что конструктивной продуктивности в цивилизационном масштабе мы достигали только тогда, когда наша деятельность предельно соответствовала принципу державности.

Литература

Булгаков С. Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1998. 448 с.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

Конфуций. Суждения и беседы «Лунь юй». М.: Шанс, 2021. 2207 с.

Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 492 с.

Кулакова Татьяна Александровна — д-р полит. наук, проф.; koulakova812@mail.ru

Соколов Алексей Михайлович — д-р филос. наук, доц.; docentsokolov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 21 сентября 2023 г.;

рекомендована к печати: 10 ноября 2023 г.

Для цитирования: *Кулакова Т. А., Соколов А. М.* Два слова о принципе российского государственного строительства: держава или империя // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 1. С. 112–121. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.110>

TWO WORDS ABOUT THE PRINCIPLE OF RUSSIAN STATE-BUILDING: DERZHAVA OR EMPIRE*

Tatiana A. Kulakova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; koulakova812@mail.ru

Alexey M. Sokolov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;

docentsokolov@yandex.ru

The article is devoted to the problem of the correlation of the words-concepts “empire” and “power” in the context of the ideological foundation of Russian state-building. The authors pro-

---

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Grant of the Russian Academy of Sciences no. 22-28-00779 “Sovereignty and sovereignty: logic and antinomies of global civilization”).

ceed from the fact that the national language is a universal form and an integral result of the cumulative activity carried out by the community of people speaking it and thinking through it. The word-concept is the primary element of language-thinking. Its content gradually includes, with a greater or lesser degree of intensity, the entire experience of people's activities. Constant words-concepts that define the semantic horizon of language-thinking are of the highest interest. The substitution of constant elements entails a violation of the stability of the ideological system as a whole. "Empire" and "power" are considered by the authors as semantically conditionally oppositional words-concepts due to their different (on the one hand, Western, on the other — Russian) cultural and historical genealogy. Turning to the historical material, the authors reveal the fundamental differences in the semantic content of the words-concepts "empire" and "power", revealing the features of the civilizational strategies of the West and Russia. The article emphasizes that metaphysically, the intuition of empire presupposes war as a seizure, appropriation, domination on the basis of political organization. At the same time, the New European, i. e. bourgeois interpretation of the empire, the seizure unfolds in the modality of colonialism, appropriation — in the modality of alienation, domination — in the modality of exploitation. Sovereignty as a principle of political organization unfolds in the modalities of donation, consular service, economic development, in which the essence of each element of the objective world is fulfilled, i. e., the essence of each element of the objective world is fully realized.

Keywords: empire, power, language, national identity, civilizational strategy, state building.

References

- Bulgakov S. N. *Philosophy of the Name*. St Petersburg: Nauka Publ., 1998. 448 p. (In Russian)
Danilevsky N. Ia. *Russia and Europe*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2008. 816 p. (In Russian)
Confucius. *Analects*. Moscow: Shans Publ., 2021. 2207 p. (In Russian)
Panarin A. S. *Orthodox civilization in a global world*. Moscow: Algoritm Publ., 2002. 492 p. (In Russian)

Received: September 9, 2023

Accepted: November 10, 2023

For citation: Kulakova T. A., Sokolov A. M. Two words about the principle of Russian State-building: Derzhava or empire. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 112–121. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.110> (In Russian)